

Старосивильский Серафим Степанович

**Николай Иванович Пирогов -
великий целитель тела и
воспитатель души**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Серафим Степанович С.**
Николай Иванович Пирогов - великий целитель тела и воспитатель души / Старосивильский
Серафим Степанович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-75345-6

Его жизнь, государственная-общественная деятельность и пед. взгляды

ISBN 978-5-519-75345-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

университеты и учения общества также поздравили русского ученаго, а именно: университеты Мюнхенскій, Страсбургскій, Падуанскій и Эдинбургскій, медицинскіе факультеты Парижа и Германское хирургическое общество. Представители прессы поднесли особый адресъ, въ которомъ привѣтствовали въ лицѣ Пирогова „не только знаменитаго ученаго, но и честнаго публициста и общественнаго дѣятеля“. Среди этой массы привѣтствій было даже привѣтствіе отъ русскихъ евреевъ и закавказскаго муфтія. Городъ Москва поднесъ своему знаменитому уроженцу дипломъ почетнаго гражданина,—и это признаніе почетнымъ гражданиномъ своей родины Н. И. счелъ высшею честью, какая только можетъ быть оказана человѣку. „Можетъ ли быть что нравственно выше того, говорилъ самъ Н. И.—, когда родина даетъ званіе почетнаго гражданина одному изъ своихъ сыновъ и при томъ не заблестящіе подвиги на бранномъ полѣ и не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности? Представители города Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю мою дѣятельность исключительно Москвѣ, мѣсту моего рожденія и воспитанія“.

Достойному воздано должное! „Пироговъ,—говорилъ въ своемъ юбилейномъ привѣтствіи одинъ изъ профессоровъ—не зарывалъ своего таланта въ землю, онъ блестяще развилъ его, и если Россія не извлекла изъ его полувѣковой дѣятельности всей пользы, которую онъ могъ принести ей своимъ знаніемъ и способностями, то, сколько извѣстно, едва ли самъ Пироговъ виноватъ въ этомъ“... Но и при тѣхъ условіяхъ дѣятельности, въ которыя Пироговъ, силою независимыхъ отъ него обстоятельствъ, былъ поставленъ, принесенная его знаніями и способностями польза наукѣ, обществу и отечеству дѣйствительно велика. Онъ былъ прежде всего человѣкъ живого труда и честнаго дѣла. Эти качества его дѣятельности ярко обрисовываются во всей его жизни. Главнѣйшіе факты ученой, административной и общественной его дѣятельности сводятся при краткомъ ихъ перечнѣ¹⁾ къ слѣдующимъ даннымъ.

Въ 1833 году, послѣ предварительнаго окончанія медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ и какъ

¹⁾ Извлеченія изъ этой статьи были напечатаны нами въ одномъ изъ періодическихъ органовъ въ 1906 г.

прекрасно подготовленный затѣмъ въ теченіи слѣдующихъ пяти лѣтъ, въ дерптскомъ университетѣ по анатоміи и хирургіи, Н. И. командированъ былъ отъ правительства за границу, и здѣсь работалъ въ Берлинѣ у знаменитыхъ германскихъ хирурговъ этого города.

По возвращеніи въ Россію въ 1836 году, онъ избранъ былъ профессоромъ хирургіи дерптскаго университета, и вскорѣ сдѣлался здѣсь однимъ изъ любимыхъ профессоровъ. Живя въ Дерптѣ, Н. И. предпринималъ ежегодно хирургическія экскурсіи въ разные города Прибалтійскаго края, привлекая всегда громадное число больныхъ, тѣмъ болѣе, что, по инициативѣ мѣстныхъ врачей, пасторы въ деревняхъ объявляли всенародно о прибытіи дерптскаго хирурга. Въ началѣ 1841 года Пироговъ былъ переведенъ профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, съ порученіемъ ему же завѣдыванія всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Во время его пребыванія въ названной академіи хирургическая клиника, благодаря необычайному дару преподаванія и несравненной technikѣ Пирогова въ производствѣ операций, сдѣлалась высшей школой русскаго хирургическаго образованія. Точно также высоко поставлено было имъ преподаваніе и анатоміи, чему много способствовало устройство, по его инициативѣ, особаго анатомическаго института. Во время своего 14-ти лѣтняго профессорства въ С.-Петербургѣ Н. И. произвелъ около 12,000 вскрытій съ подробными протоколами о каждомъ изъ нихъ. Въ 1847 году онъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ для ознакомленія съ устройствомъ госпиталей и для распространенія среди военныхъ врачей новѣйшихъ усовершенствованій въ практикѣ хирургическихъ операций, каковую задачу и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ, принеся въ то же время весьма цѣнную помощь массѣ больныхъ воиновъ, нуждавшихся въ хирургическихъ операціяхъ. Въ 1848 году Пироговъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, отдался изученію холеры, результатомъ коего было изданіе имъ сочиненія: „Патологическая анатомія азіатской холеры. Въ 1854 году, онъ, по желанію Государыни Императрицы и великой княгини Елены Павловны, отправился въ Крымъ для завѣдыванія занятіями Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, а также для сформированія корпораціи врачей-хирурговъ. Во время этой командировки Н. И. воочию увидѣлъ все нравственное разложеніе

русского общества—тѣ наши общественные педути, которые, послуживъ главною причиною неблагопріятнаго исхода крымской войны, осизательно, такъ сказать, засвидѣтельствовали необходимость нравственнаго и умственнаго самоочищенія русскаго общества посредствомъ улучшенія воспитанія подростяющихъ поколѣній и измѣненія соціальныхъ условій жизни. И вотъ, возвратясь въ 1856 году въ С.-Петербургъ, онъ рѣшается со всею безпощадной правдивостію высказаться по одному изъ кардинальных „вопросовъ жизни“ — о воспитаніи. Въ этомъ году въ № 9 „Морского Сборника“ была напечатана его знаменитая статья: „Вопросы жизни“, горькая для общественнаго сознанія, но либеральная по затронутымъ въ ней вопросамъ и побудившая и правительство и общество обратить особенное вниманіе на воспитательное дѣло....

Взгляды, высказанные въ этой статьѣ, поправились тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову. По предложенію послѣдняго, Н. П., желавшій оставить службу въ медико-хирургической академіи по разстроенному здоровью, принялъ назначеніе на должность попечителя одесскаго учебнаго округа, каковое и состоялось 3 сентября 1856 года. На этомъ посту въ Одессѣ Пироговъ оставался недолго. Однимъ изъ болѣе памятныхъ дѣлъ его въ названномъ округѣ былъ проектъ преобразованія Ришельевского лицея въ новороссійскій университетъ, осуществившійся, впрочемъ, только впоследствии—въ 1865 году, и организація литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ, главнѣйшею цѣлью каковыхъ бесѣдъ было пріученіе гимназистовъ старшихъ классовъ исподволь къ самостоятельному научному труду, безъ котораго, по мнѣнію Пирогова, ученіе въ университетѣ бесплодно. 18 іюля 1858 года Н. П. былъ переведенъ на такую же должность въ кіевскій учебный округъ, а 13 марта 1861 года онъ оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія и поселился въ своемъ имѣніи Вишня, Подольской губерніи. Въ 1862 году, по желанію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, Пироговъ командированъ былъ за границу для руководства учеными занятіями молодыхъ людей, посланныхъ туда изъ русскихъ университетовъ для подготовленія къ занятію профессорскихъ кафедръ. Изъ этой командировки Н. П. вернулся въ Россію въ 1866 году и время до 1870 года провелъ опять въ своей деревнѣ. Во время франко-прусской войны 1870 года и русско-турецкой 1877—1878 года, по приглашенію главнаго управленія Общества Краснаго Креста, онъ, помимо общихъ

совѣтовъ по военно-санитарной части, посѣтилъ самые театры этихъ войнъ и здѣсь своими научно-практическими указаніями и непосредственною медицинскою помощію оказалъ страдающему человечеству неоцѣнимыя услуги. Таковы главнѣйшіе факты ученой и служебно-общественной дѣятельности Пирогова!

Въ періодъ этой полувѣковой многосторонней дѣятельности мы видимъ его, какъ ученаго, какъ профессора и клинициста—хирурга, какъ военно-полевого хирурга и администратора и, наконецъ, какъ педагога, занимавшаго высокій постъ понечителя двухъ учебныхъ округовъ и позднѣе руководившаго занятіями молодыхъ ученыхъ за границей. „Вездѣ и всегда,—говорить одинъ изъ его біографовъ,—онъ неизмѣнно проявлялъ любовь къ дѣлу и знаніе дѣла; въ каждое дѣло онъ влагалъ всю свою громадную энергію, всю свою великую душу. Неудивительно поэтому, что онъ всюду вносилъ что-либо новое, оригинальное и оставлялъ неизгладимый слѣдъ своей широкой дѣятельности. Это новое касалось не какихъ-либо мелочей, а захватывало самую существенную сторону дѣла, потому что Пироговъ вдумывался въ каждое явленіе, въ каждый фактъ, всесторонне обсуждалъ каждый вопросъ съ тонкимъ анализомъ ученаго, стараясь уяснить его въ полномъ объемѣ“. „Пироговъ, былъ анатомъ, хирургъ — говоритъ другой его біографъ—, учился надъ трупами, но въ то же время онъ былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнію, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеалъ созданъ на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнію и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала; онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неож-

данный переходъ, который Пироговъ сдѣлалъ отъ поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитать себя, но перевоспитаніе такъ трудно, что лучше начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. „Я испыталъ—говоритъ Пироговъ—эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподоволь, и заранее нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ“.

Этотъ-то страхъ за дѣтей и побудилъ Пирогова написать и затѣмъ напечатать вышеупомянутую знаменитую педагогическую статью „Вопросы жизни“, которую цензура пропустила только потому, что она напечатана была именно въ „Морскомъ Сборникѣ“ и съ разрѣшенія великаго князя Константина Николаевича. Въ ней авторъ, много поработавшій надъ собою и вздумавшій раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучший путь къ обновленію жизни, высказалъ сжато, даже отрывочно, но смѣло, все, что онъ передумалъ и переживалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала Россію несчастная для насъ Крымская война. Статья эта произвела необычайный эффектъ: она охватила какимъ-то лихорадочнымъ восторгомъ рѣшительно все русское общество. О ней шумно заговорили всюду: въ клубахъ, въ семьяхъ, въ высшемъ обществѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ о воспитаніи сдѣлался злобою дня, въ цѣлой Россіи началось необычайное педагогическое и вообще умственное движеніе послѣ долгаго періода сна и апатіи: возникло нѣсколько серьезныхъ педагогическихъ журналовъ, начали учреждаться разныя школы: воскресныя и инныя бесплатныя школы, завелись педагогическія собранія, основался въ С.-Петербургѣ комитетъ грамотности; правительство обратило на школьную реформу серьезное и дѣятельное вниманіе.

Что же высказывалось въ этихъ „Вопросахъ жизни“ такого, что такъ расшевелило общество, заставивъ его безпристрастно оглянуться на себя самого?

„Общественный хирургъ“, по счастливому выраженію одного нашего педагога, „нашелъ, что и теперь все осталось

„яко же бо бысть во дни Ноевы“. Въ древности, по крайней мѣрѣ, люди были послѣдовательны и жили такъ, а не иначе, по извѣстнымъ убѣжденіямъ, которыя могли быть ложны, ошибочны, но все-таки это были убѣжденія, основанныя на ученіяхъ различныхъ философскихъ школъ. Въ XIX же вѣкѣ, вступивъ въ жизнь, задавшись „столбовыми вопросами“, мы оказались вполне несостоятельными предъ ними, потому что мы не воспитаны. Правда, масса живетъ по инерціи, слѣдуя толчку, данному обществомъ въ направленіи, принятомъ обществомъ; но есть еще жизнь индивидуальная, жизнь „въ себѣ“, стоящая въ разладѣ съ направленіемъ общества. Такимъ образомъ фактически существуетъ два жизненныхъ пути: приспособляться къ обществу или бороться съ нимъ. Дилемма эта практически разрѣшается различно.

Дѣло въ томъ, что все общество, по убѣженію Пирогова, представляетъ одну огромную инертную толпу и нѣсколько меньшихъ, придерживающихся самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на жизнь. Такихъ взглядовъ авторъ насчитываетъ восемь. Одни совѣтуютъ не думать много, потому, что, думая много, можно потерять аппетитъ и сонъ. Взглядъ, какъ видите, простой и привлекательный. Болѣе высокій взглядъ—это совѣтъ много читать и учиться, вообще поумнѣть; а умъ уже подскажетъ, куда идти. Далѣе слѣдуетъ взглядъ религіозный или старообрядческій, по выраженію Пирогова, рекомендующій строгое соблюденіе постовъ и молитвы и чтеніе благочестивыхъ книгъ, не вникая въ ихъ смыслъ. По взгляду иныхъ людей-практиковъ, можно жить и безъ убѣжденій, лишь бы имѣть полный карманъ. Такой же практическій умъ проглядываетъ и во взглядѣ, что слѣдуетъ уживаться съ людьми и соблюдать установленную внѣшнюю приличность; думать можно, что хочешь—*Gedanken sind zollfrei* (каждый воленъ думать, что хочетъ). Существуетъ и пессимистическій—печальный, по выраженію Пирогова, взглядъ, отрицающій смыслъ жизни—не зная, откуда взялся, человекъ умретъ, не зная, зачѣмъ жить. Противоположный этому оптимистическій—веселый взглядъ совѣтуетъ пользоваться настоящимъ, не задумываясь надъ будущимъ. Къ числу практическихъ взглядовъ на жизнь относится также взглядъ „благоразумный“, рекомендующій выбрать себѣ наиболѣе выгодную и подходящую роль въ практической жизни, не задаваясь при этомъ никакими теоретическими стремленіями.

Къ тому или другому изъ этихъ взглядовъ, обыкновенно, и примыкають вступающіе въ жизнь и на этомъ успокаиваются, утрачивая съ лѣтами „всякую склонность перемѣнить или переноспитать себя“. Но если бы такъ всегда и оканчивалось, то общество оставалось бы, какъ уже сказано, вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Всѣ бы спокойно забыли то, чему учило воспитаніе: „воспитаніе сдѣлалось бы продажнымъ билетомъ для входа въ театръ“. Однако люди, родившіеся „съ притязаніями на умъ и чувство“, не могутъ оставить „безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое“. Они слишкомъ совѣстливы, разборчивы въ путяхъ, и потому стремятся проложить новые пути. Многіе не выдерживаютъ этой внутренней борьбы. При всемъ этомъ и руководящіе обществомъ взгляды на жизнь, не отличаясь законностью, допускаютъ всевозможныя дальнѣйшія комбинаціи. Все это не служитъ, конечно, къ единенію общества, поселяя раздоръ между послѣдователями разныхъ взглядовъ, что опасно и въ политическомъ отношеніи. Изъ этого положенія можно выйти тремя путями: 1) согласить воспитаніе съ торговымъ направленіемъ общества, 2) перемѣнить направленіе общества, 3) приготовить воспитаніемъ къ жизненной борьбѣ, къ этому неравному бою. Первому пути, какъ невѣрному, авторъ не сочувствуетъ. Второй составляетъ вопросъ будущаго. Остается третій путь, т. е. посредствомъ воспитанія приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, вкоренить въ насъ высшія человѣческія убѣжденія или, иначе говоря, сдѣлать насъ людьми. Этотъ путь—одинъ дѣйствительный путь. Между тѣмъ, воспитаніе наше ведется односторонне: оно только дѣлаетъ насъ учеными, юристами, врачами, солдатами, но не людьми. И дѣйствуютъ люди, какъ попало, увлекаемые теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, потому что не воспитанъ внутренній человѣкъ, не воспитаны въ немъ убѣжденія. „Главная святыня въ человѣкѣ—убѣжденія, говоритъ Пироговъ: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, любить искренно правду, стоять за нее горюю и быть непринужденно откровеннымъ, какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій. А эти свойства достигаются: вѣрою, вдохновеніемъ, правдивою свободою мысли, способностью отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи.

Мы дошли теперь до самых первых, самых главных основ истинно-человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей“.

Протестуя противъ воспитанія нашихъ дѣтей въ раннемъ возрастѣ въ школахъ со спеціальнымъ характеромъ, Пироговъ спрашиваетъ: „отвѣчайте мнѣ, положи руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступать на поприще, не самымъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранее для него опредѣленнаго, поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ смѣны?... Дайте выработаться и развиваться внутреннему челоѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и *граждане*... Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ... Вникните и разсудите отцы и воспитатели!“ —восклицаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность воспитанія, существовавшаго у насъ въ ту пору, когда ему пришлось жить и дѣйствовать. Онъ не хочетъ признать раціональнымъ существованіе раннихъ спеціальныхъ школъ для какихъ бы то ни было потребностей страны. „Нѣтъ ни одной потребности,—замѣчаетъ онъ,—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ *истинныхъ людяхъ*... Истинные специалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній специалистъ есть или грубый эмпирикъ или уличный шарлатанъ“. „Даже желая отъ всей души слѣдаться истинными специалистами, мы не должны забывать, что и для этого необходимо общечеловѣческое образованіе“.

Послѣднія слова изъ устъ Пирогова, какъ одного изъ талантливейшихъ специалистовъ своего времени, весьма многозначительны!... Но изъ этихъ словъ, однако, не слѣдуетъ выводить заключенія, что воспитательнымъ задачамъ общеобразовательной школы Пироговъ поставлялъ идеаломъ приготовленіе челоѣка вообще, т. е. оторваннаго отъ почвы; нѣтъ,

по его убѣжденію, задачею воспитанія должно быть подготовленіе изъ воспитанника *человѣка-гражданина*, слѣдовательно, связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя *человѣкомъ общественнымъ*, врагомъ всякой общественной неправды. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,—настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть *людьми*. „Всѣ мы къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу *человѣка*, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности“¹⁾.

Итакъ воспитаніе должно *сдѣлать насъ людьми*. Въ этомъ состоитъ, по мнѣнію Н. И., его цѣль. Указывая на необходимость воспитанія *человѣка-гражданина*, Пироговъ первый у насъ такъ прямо и сочувственно заговорилъ въ той же статьѣ—„Вопросы жизни“ о необходимости воспитать женщину, какъ радость *человѣческой жизни*, спутницу и поддержку мужчины въ борьбѣ со зломъ, какъ равноправнаго члена общества, какъ жену и мать, гордящуюся своимъ высокимъ назначеніемъ, опредѣленнымъ ей самимъ Богомъ. По справедливому мнѣнію Н. И., только одна эмансипація, въ смыслѣ истиннаго, *человѣческаго*, одинаковаго съ мужчиной образованія, выведетъ женщину изъ положенія жалкой куклы и рабы, и сдѣлаетъ изъ нея того зодчаго общества, которымъ она должна быть по праву. „Краеугольный камень,—пишетъ Пироговъ въ своей статьѣ,—кладется“ руками женщины. „Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ *человѣчеству* существо, только что отнятое отъ ея груди. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбежной борьбы и жертвованій, проникнетъ все нравственное существованіе женщины; пусть вдохновеніе осянеть ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи“.

Таково, въ общемъ, главнѣйшее содержаніе безсмертной въ исторіи нашего просвѣщенія статьи Пирогова „Вопросы жизни“, послужившей своевременно, такъ сказать, толчкомъ не только къ педагогическому, но и вообще къ умственному

¹⁾ Изъ рѣчи Н. И. на актѣ Рижельскаго лицея 1 сентября 1857 года.

нашему пробужденію послѣ долгаго періода всеобщаго сна и апатій.

Самъ сохранивъ до глубокой старости „высокое мудрое дѣтство души“ т. е. дѣтскую искренность и цѣлостность души, Н. И. убѣжденно, и въ своихъ сочиненіяхъ, и на практикѣ, настаивалъ на признаніи той истины, что основою воспитанія должно быть воспитаніе искренности души въ воспитываемыхъ. Съ особенною глубиною мысли и образною яркостью эта основная истина воспитанія выражена имъ въ статьѣ „Быть и казаться“. Въ виду того печальнаго явленія, что у насъ и нынѣ, даже въ образованномъ классѣ населенія, эта основа воспитанія находится въ великомъ небреженіи, воспроизводимъ здѣсь, для новаго напомниманія родителямъ и воспитателямъ, названную статью въ полномъ ея текстѣ.

Быть и Казаться*).

„Ученики 2-ой Одесской гимназіи,—пишетъ Н. И.,—обратились ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи имъ играть на публичномъ театрѣ, по примѣру гг. студентовъ лицея, играть съ цѣлью помочь нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей. Узнавъ, что и прежде ученикамъ гимназіи, воспитывающимся въ сиротскомъ домѣ, позволялось дѣйствовать на сценѣ, я также позволилъ.

Но совѣсть моя этимъ не успокоилась.

У меня родился нравственно-педагогическій вопросъ: можно ли позволять молодымъ людямъ, чтобы они прямо со школьной скамьи выступили на сцену и представлялись дѣйствующими лицами предъ публикою?

Извѣстно, что вездѣ, гдѣ вмѣстѣ съ гимназіею существуетъ высшее учебное заведеніе—университетъ или лицей, гимназисты стараются во всемъ подражать студентамъ. Извѣстно также, что такое подражаніе обыкновенно не ведетъ къ добру.—Но я смотрю на заданный себѣ вопросъ съ другой, болѣе общей, стороны. Спрашивается: вообще дозволяетъ ли здравая нравственная педагогика выставять дѣтей и юношей предъ публикою въ болѣе или менѣе искаженномъ и, слѣдо-

*) Въ этой статьѣ нѣкоторыя мѣста по указанію составителя сей брошюры напечатаны курсивомъ.